

Смаилбекова Ш.Д.
Старший преподаватель кафедры факультета МЭО,
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (Казахстан)
Smailbekova Sh.D.

Senior lector of the Economics Department,
L.N. Gumilev ENUniversity

Кадрина Б.Ш.
Старший преподаватель кафедры МЭО, факультета МЭО,
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (Казахстан)
Kadrina B.Sh.

Senior Lector at the International Economic Relations Department,
L.N. Gumilev ENUniversity.

E-mail: smailbekova1948@mail.ru

Отголоски древнего единства на языковом пространстве Центральной Азии

Echoes of ancient unity in the Central Asia linguistic space

Abstract

The article under review narrates on coincidences in the linguistic space of Central Asia, China, Pakistan and India, as well covering some European parts of the Silk Way route. Very interesting facts are revealed in the course of insight into borrowing based on Islamic, as well as trade, economy and domestic household overlaps of human life throughout the region under analysis.

Key words: time, Islam, Silk Way, China, North India, Kipchak, habar.

Аңдатпа

Қарастырылып отырған баптың туралы баяндайды совпадениях қазақстанның тілдік кеңістігінде, Орталық Азия, Қытай, Пәкістан және Үндістан, сондай-ақ қамтитын кейбір еуропалық бөлігінде Жібек жолы. Өте қызықты фактілер барысында анықталған ену қарыз алуына негізделген ислам, сондай-ақ сауда, экономика және тұрмыстық сектор жабылады адам өмірінің аймақ аумағында аясында талдау.

Аннотация

В статье рассматриваются аспекты сходства в языковых пространствах Казахстана, Центральной Азии, Китая, Пакистана и Индии, а также

некоторые исторические эпизоды становления европейского Шелкового пути. Выявлены необычные факты, открытые в ходе исследования местных интерпретаций ислама, а также проанализированы торговые, экономические и бытовые стороны человеческой жизни на территории региона.

Ключевые слова: время, ислам, Шелковый путь, Китай, Северная Индия, Кипчак, Хабар.

На протяжении сотен тысяч лет сначала многочисленные народности, а затем уже оформившиеся этносы современной Центральной Азии, Китая и Северной Индии взаимодействовали на почве торговли («Великий Шелковый Путь»), кочевья, миграции, обучения науке и ремеслам, и увы, на почве войн. Степень и глубина проникновения, как и везде, определялась близостью проживания. К примеру, языки соседствующих Дешт-и-Кипчак и Китая обнаруживают следы взаимного влияния на уровне морфологии и синтаксиса, что объяснимо с позиции кочевого образа жизни древнейших племен киданей (чей письменный язык впоследствии вошел в монгольскую семью языков), кангюев, токкуз-огузов (девять обозов), канглы и усуней, которые на заре формирования среднеазиатских этносов интенсивно мигрировали в течение ряда веков – явление, которое вошло в историю под названием «Великое переселение народов». Как известно, заимствования в области вопросительных частиц говорят о древности проникновения в язык, что свидетельствует об историческом родстве племен-предков пограничных районов Китая и Казахстана. Смысловая нагрузка вопросительных частиц ма? (вопрос вообще) и ба? (вопрос с небольшим нажимом на собеседника или с долей уверенности в возможном варианте ответа) (бул калам сенікі ма? – Это твоя ручка? И бул сенін кітап ба? (Это твоя книга, да?) полностью совпадает с китайскими вопросительными частицами ma и ba: zhe shu ni de ma? (Это твоя книга?) Zhi ge shu ni de ba? (Это твоя книга, да?) Даже несмотря на то, что в казахском языке данная синтаксическая формула

регулируется законом сингармонизма, древнее единство, что называется, налицо.

Общее историческое прошлое кочевых племен киданей, от самоназвания которых произошло слово «Кытай») и казахов отражается и в мелочах, например, во внешнем виде и названиях одежды. Впоследствии кочевые племена манчжурцев, кочевавших на территории Китая (чей язык является близкородственным киданям, ойротам и дангурам), растворились на территории Китая, что дает основание предположить, что таким образом в китайских язык были привнесены элементы тюркского праязыка. Гипотеза об алтайской семье (или в западном языкознании, кластере) языков существует в лингвистике уже довольно длительное время. Согласно данной гипотезе, тунгусо-манчжурские, монгольские, тюркские языки, а также корейский, образуют одну большую семью языков (или языковой кластер). Данная позиция объясняет наличие личного местоимения *бен* в бурятском, калмыцком, азербайджанском и турецком (тюркская семья). Но как тогда быть с кашмирским *бе*? Об этом речь пойдет ниже, а на карте языкознания этой части Азии остались еще белые пятна – это, к примеру, не полностью дешифрованное тангутское письмо, которое дублирует принципы китайской письменности, и должно испытывать влияние орхоно-енисейского письма, так как тангутская цивилизация находилась на территории провинций Гань-су и Нинь-ся, граничащих с Монголией.

Южные же соседи тюрков иранцы и арии развили алфавитное письмо, что обуславливает большую степень взаимодействия между ними. С позиций антропологии народности Таджикистана и Узбекистана являются памиро-ферганской ветвью арийской группы. Согласно Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванову, выдвинувшим одну из наиболее убедительных гипотез прародины индоевропейцев, маршрут переселения древних иранских племен с юга на север и индоарийских племен с севера на юг проходил через данный регион, что обуславливает общность древнейших лексем типа *zamin* – земля, *zindegi*

– жизнь, *hat* – письмо, *habar* – новость и т.д., которые встречаются в иранских и тюркских языках. Список подобных лексических калек можно с легкостью расширить, чего не позволяет, однако, объем статьи. Естественно, это объяснимо с точки зрения географической близости. Что же касается взаимного влияния узбекского языка и языков Северной Индии, а также таджикского и фарси, языки этих народов содержат древние заимствования также и на уровне морфологии (продуктивные суффиксы существительных - *hana* – *meirmanhana*, *chai-hana*, *kitap-hana* в урду и хинди соответствуют тюркским эквивалентам), так как согласовательная частица *da* в любом языке, одна из самых подвижных в смысле фонетического оформления. Совпадение частиц согласования (*xa* – узбекский, таджикский) и более легкого назального *ha* в хинди и урду. Лично автора статьи завораживает также общность кашмирской частицы *da* (*ɔ*) и португальского *da* (*ɛ*), в фонетическом оформлении частицы поразительно схожи. Кстати, уже известно, что язык страны басков также дублирует вопросительные тюркские частицы *ba* и *ma*. А также целого ряда лексических калькированных заимствований, например, *мазак* (тюркск.) и *mazak* (хинди, урду). Здесь уместно вспомнить, что само название языка урду, который исторически сложился на базарах Северного Дели, а затем получил литературное оформление на севере Индии, само название Урду означает «орда». То есть значительная часть языка была привнесена кочевниками, моголами. Северо-восточная область расселения индо-ариев покрывает значительную часть Казахстана, что объясняет и поддерживает общность ряда морфем и лексем южно-тюркских, иранских, и северо-индийских языков. Но, как и в любом исследовании, здесь есть маленький сюрприз – близость кашмирского *бэ* (местоимение «я») и турецкого *бен* – это также личное местоимение «я». Кашмир расположен в отрогах гор, которые в древности давали пристанище многим кочевым племенам, таким образом, в период движения орхоно-енисейских племен часть из них дошла до Кашмира. Так как дублируется

именно личное местоимение *бен*, которое есть и в монгольских языках (калмыцкий и бурятский), то это могло иметь место во времена миграции тюркских племен. Личные местоимения, в отличие от утвердительных частиц, отличаются относительной устойчивостью, что позволяет говорить о древности появления в иранских языках местоимения *ман*, аналогичного уйгурскому *мян*, так что их присутствие говорит о пути миграции другого тюркского племени. На ранних этапах формирования индоевропейского и тюркского праязыков зародились формы личного местоимения «я», где тюркское *ме(н)* переходит в падежную форму индоевропейского *те* (*mein* – Deutch, *mine* – English, *mi* – Espanol). Занятно также присутствие слова *Энтезар* в тюркских фамилиях на территории пост-Советского пространства. На языке Урду *энтезар* означает «ожидание». *Энтезар карна* означает *ждать*. Разумеется, в свете Исламизации региона практически все семьи, восходящие к Исламу, дублируются в урду, хинди и всех тюркских языках. К примеру, казахское *ораза* в урду звучит как *уроза* с ударением на о. Айт звучит как Ид, тюркское *рамазан* имеет аналог *рамадан* в фарси и урду. *Сема намаз* полностью идентична во всех анализируемых языках, то же самое можно сказать и о семе *дуа* (молитва). Еще одно совпадение – *уакыт* (время), которое звучит одинаково во всех тюркских языках и урду а также фарси. Мурад Аджи в своей книге «Тюрки, кипчаки и Великая Степь», высказал утверждение, что этимологически связаны именно кипчакское *мен* и английское *те*. Проблема локализации появления тех или иных морфем, лексем и силлаб является мощным стимулом для дальнейших исследований в этой области тюркологии и индоевропеистики, в которых языковое и историческое начало взаимно проверяют и поддерживают друг друга.

Литература:

1. Словарь португальского языка. М.: «Полиглот», 1998.
2. Степанов Г.В. Энциклопедический словарь юного филолога. - М., 1984.

3. Мурад Аджи. Тюрки, кипчаки и Великая Степь. - Алматы, 1998.
4. Учебник языка Урду. - М., 1965.
5. Словарь Русского-Пушту-Дари. - М., 1978.